

Глава 4

ЛЕНИН: “МОБИЛИЗОВАТЬ... ТЫСЯЧИ БУРЖУЕВ, ПОСТАВИТЬ ПОЗАДИ ИХ ПУЛМЕТА, РАССТРЕЛЯТЬ НЕСКОЛЬКО ОТ...”

Для работы с отдельными документами ленинского фонда мне отвели в Центральном партийном архиве пустовавшую небольшую комнату с двумя столами. Хозяева кабинета находились в отпуске. В незапертом застекленном шкафу пара полок была отведена для 55 синих томов “полного” собрания сочинений вождя с закладками. Естественно, оказалось очень удобным обращаться к этим томам как к справочному материалу. И выяснилось, совершенно неожиданно для меня, что в этом кабинете шла подготовка к изданию шестого, в идеале — действительно полного собрания сочинений. А на полях многих страниц были помечены места, в которых сделаны купюры. К уже опубликованным ленинским работам, в которых были изъятия, я обратился в первую очередь.

В “полном” собрании сочинений Ленина ряд купюр, которые не могу прокомментировать. Например, в письме вождя своему близкому соратнику того периода Г. Шкловскому, написанном во второй половине апреля 1916 года, изъят предпоследний абзац (49, 219):

“Еще одна просьба личная; очень просил бы Вас постараться не посылать Наде больше никаких бумажек по делу Мохова, ибо ей это треплет нервы, а нервы плохи базедова болезнь опять возвращается. Мне оч[ень] жаль, что не удалось убедить Вас бросить эту “историю”, не впутывать К.З.О., не

плодить бумажек (официальных особенно) и т.д. По крайней мере, раз Вы все решили иначе, , прошу Наде ничего не посылать больше, ни об этом ни по поводу этого. Это между нами, и поэтому пункту не пишете мне ничего (чтобы Надя не знала, что я Вам писал, а то она волноваться будет) ”.

Что за “дело” Мохова, о котором не должны знать читатели? Выяснил лишь, что Мохов был одним из участников совещания сторонников Ленина на квартире Г. Шкловского 6/7 сентября 1914 г. Имя его ни разу не упоминается ни в “полном” собрании сочинений вождя, ни в Биографической хронике деятельности Ленина, ни в известных мне воспоминаниях о событиях тех лет.

Держу в руках копию неопубликованного письма Мохова (“Тони”) из Стокгольма на имя Крупской от 9 апреля 1916 г. Ничего сенсационного — отчет о встречах с участниками “циммервальдистского” движения во Франции, Англии, Норвегии. Может, специалисты по деятельности Комитета Заграничных организаций могут раскрыть причину личной просьбы Ленина к Шкловскому?

Меня критиковали, что я якобы неправоммерно назвал “полное” собрание сочинений Ленина фальсификацией. Но ведь нас три четверти века обманывали, не только скрывая важнейшие ленинские документы, но и фальсифицируя опубликовавшиеся. Яркий пример: выступая на торжественном заседании пленума Моссовета, МК РКП(б) и МГСПС 6 ноября 1920 г., Ленин в очередной раз повторил: “... мы всегда подчеркивали, что в одной стране совершить такое дело, как социалистическая революция, нельзя...”

Фраза эта тогда же была опубликована в “Стенографических отчетах Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов”, № 15, вошла затем во 2-е и 3-е издания собраний сочинений Ленина. А уже в четвертом издании в 1955 году была без всяких отточий изъята из текста. Соответствующая купюра и в 5-м, так называемом “полном” собрании сочинений. Здесь же, как видно на фотографии, в ленинском высказывании — “эти народы целиком являются слугами и рабами Антанты” — слово “народы” заменено на “государства”. (Купюра выделена мною. — А.Л.).

Аналогична судьба абзаца из доклада Ленина о внешней и внутренней политике Совнаркома на заседании Петро-

градского Совета 12 марта 1919 г.: “Дело строительства целиком зависит от того, как скоро победит революция в важнейших странах Европы. Только после такой победы мы можем серьезно приниматься за дело строительства”. (Купюра выделена мною. — А.Л.).

Или такой пример: в 2-м и 3-м изданиях — выступление Ленина на собрании секретарей ячеек Московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г. приводится по архивной стенограмме, а в последующих 4-м и 5-м изданиях — уже по газетному отчету. И вся эта затея большевистских цензоров — ради того, чтобы скрыть абзац: “... но как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот”. (Купюра выделена мною. — А.Л.).

А ведь эта цитата накануне начала Великой Отечественной войны была основополагающей в директиве “О политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами Красной Армии на летний период 1941 года”.

Наши незадачливые ученые писали диссертации на темы “Ленинский план строительства социализма в одной отдельно взятой стране” или “Ленинская миролюбивая политика”, не ведая, что наследниками Ленина без всяких отточий изъяты цитаты вождя, опровергающие официальные концепции.

Конечно, я знал и раньше, что из ленинских работ еще при жизни вождя, а в более значительной мере после его смерти, изымались отдельные слова и даже целые абзацы. Например, в изданном в 1931 году “Ленинском сборнике XVII” в разделе “Роза Люксембург (о самоопределении)” в заметках Ленина по работам известной революционерки были сделаны сноски: “Опущен резкий эпитет по отношению к Р.Люксембург. Ред.” или просто “Опущен резкий эпитет. Ред.” Обратился к подлинному тексту и выявил эти эпитеты: “идиотка”, “дура!!” В последующих изданиях грубая ругань вождя в адрес соратников и товарищей по борьбе часто изымалась уже без всяких редакторских комментариев и даже без отточий. В “полном” собрании сочинений подобных купюр множество.

Обратимся к 52 тому “полного” собрания сочинений. Здесь на страницах 265-269 — “Замечания на проекты тезисов о тактике к III Конгрессу Коммунистического Интерна-

ционала. Письмо Г.Е.Зиновьеву.” Работа эта, посвященная критике “левачества” немца Тальгеймера и венгра Бела Куна, считалась основополагающей по курсу “Мировое коммунистическое движение”. Но до чего же изуродовали ее цензоры! На странице 265 — изъято предложение: *“Кажется, видите ли, Тальгеймерам и Белам Кунам “левее”, а вышла глупость сверхъестественная”*. На следующей странице — три значительных изъятия. Из середины предложения после слов “на конгрессе” изъято: *“где бы я охотно взялся высечь Тальгеймера с Белым (Белам?) Куном — это было бы полезно для дела”*. Изъят конец предложения: *“и т.п. вздор у Таль[геймера] и Б.Куна, а им много уступает Радек даже в первом своем проекте — оговариваюсь: полностью сличить его с “улучшенным” текстом не мог еще”*.

И наконец, третья купюра: *“Не слова, а дела” — это Радек толкует по Бела Куновски: “выступай”, “лезь драться”. Это вздор. Соответствие слова и дела надо объяснять не по белакуновски”*.

На странице 267 изъято всего несколько слов. В середине предложения после слова “колебания” — *“в сторону Бела Куна”* и эпитет после слова “глупость” — *“белакуновская”*.

Не совсем ясно, почему на странице 268 изъято дельное высказывание вождя: *“(Если умного человека за ошибку и нарушение дисциплины изгонять навсегда, а дураков, соблюдающих дисциплину, приучать к тому, что им делают уступки в тактике, то отсюда получится крах всей партии неминуемо)”*.

И, наконец, на странице 269 изъято предложение: *“А то у дураков Тальгеймера и Бела Куна истер[ические] вопли без тени фактов”*.

Подлинный ленинский документ получает совсем другую тональность по сравнению с опубликованным. Думаю, что наши архивы могли бы в течение недели подготовить к изданию все многочисленные купюры в “полном” собрании сочинений вождя — и хотя бы этот вид фальсификации наследия Ленина ушел бы в прошлое.

Но публикация отдельных изъятий из текста работ Ленина раскрывает не только всем известную сегодня беспардонность вождя (недаром Н. Бердяев назвал его “почти гением грубости”), но и его отдельные преступные деяния.

Приведем один пример — ленинскую переписку с Петроградом осенью 1919 года. В городе шли повальные аресты. Это возмущало М. Горького, и Ленин журит его за “невероятно сердитые слова” по этому поводу. Вождь вынужден признать, что при арестах “буржуазных интеллигентов околокадетского типа” “для нас ясно, что и тут ошибки были”, но стоит ли сердиться “по поводу того, что несколько десятков (или хотя бы даже сотен) кадетских и околокадетских господчиков посидят несколько дней в тюрьме”: “Какое бедствие, подумаешь! Какая несправедливость!”. “За образец” Ленин берет нашего выдающегося писателя В. Короленко: “Жалкий мещанин, плененный буржуазными пред-рассудками!.. Таким “талантам” не грех посидеть недельки в тюрьме”... (51; 47-48).

Три дня спустя Ленин развил эту тему в письме к М.Ф. Андреевой — гражданской жене Горького: “Нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, **всей** кадетской и околокадетской публики. Она способна, вся, помогать заговорщикам. Преступно не арестовывать их. Лучше, чтобы десятки и сотни интеллигентов посидели деньки и недельки, чем чтобы **10.000** было перебито. Ей-ей, лучше” (51;52). “Околокадетской публикой” Ильич именовал тогда любого интеллигента-небольшевика (впоследствии начал применять термин “полуменьшевики”). Но что означает цифра 10.000? Не связана ли она с ленинским письмом туда же, в Петроград, Троцкому месяц спустя, 22 октября 1919 года, в котором имеется абзац:

“Покончить с Юденичем (именно покончить — **добить**) нам **дьявольски** важно. Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих и добиться настоящего массового напора на Юденича?” (51; 68).

Когда звучат призывы — “читайте Ленина и не верьте хулителям”, хочется спросить — к каким источникам обращаться? Ведь никому в голову не придет, что здесь изъяты очень существенные строчки, которые никогда в нашей стране не публиковались, хотя и имелись в варианте этого письма в архиве Троцкого. Вот подлинный текст этого предложения в оригинале письма: “Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих **плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади их пулеметы, расстре-**

лять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича?” (выделено мною — А.Л.). Для тех, кто не верит, что вождь мог отдать подобный приказ — ниже приводится факсимиле этой части письма. Как известно, гитлеровцы впоследствии, в годы второй мировой войны, взяли на вооружение этот ленинский метод “живого щита”, ставя впереди наступающих частей мирных советских жителей. Правда, в спину им нацисты не стреляли. У Ленина же в эти 10.000 расстреливаемых заложников должен был бы попасть и наш великий гуманист Короленко, если бы он жил тогда не в Полтаве, а в Петрограде.

Впрочем, приказ Ленина из письма Троцкому “Правда” 8 марта 1993 г. в очередной статье в защиту вождя полностью одобрила.

“Вот, оказывается, каким был Ильич... Ну а каким... должен быть на войне руководитель, полководец? — “наивно” вопрошает “Правда”. — Со всех сторон прут колчаки, деникины, юденичи, вооруженные и оснащенные западными доброхотами, а Ленин что — должен запереться в кабинете и читать молитвы?

Да и живую цепь не Ленин придумал. Во всех войнах подставляли уголовников, заложников, штрафников... Немцы-то во второй мировой войне — вот уж поистине звери! — ставили впереди детей, женщин, стариков! А здесь — буржуев. Так против них же и воевали!”

Получается, что позиция коммунистов неизменна — стреляли и будем стрелять в спины лицам непролетарского происхождения!

Конечно, война, особенно гражданская, часто сопровождается многими жестокими приказами типа “пленных не брать”. И, используя современную лексику, “полевые командиры” — будь то Якир в отношении казачьего населения, генерал Слащев в Крыму по отношению к пленным красноармейцам, барон Унгерн фон Штернберг в Забайкалье или Тухачевский, отравлявший газами все живое в деревнях на Тамбовщине, — проявляли крайнюю жестокость. Но нельзя представить, чтобы “первые руководители” Белого движения — будь то Колчак, Деникин или Врангель — могли отдавать приказы, даже отдаленно подобные ленинскому: впереди наступающих частей вы-

Покончить с Юдени-
чем (именно покончить —
добиться) нам дьяволь-
ски важно. Если насту-
пление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч
20 питерских рабочих и
добиться настоящего массового напора на
Юденича?

Покончить с Юденичем (именно покончить — до-
бить) нам дьявольски важно. Если наступление начато,
нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских ра-
бочих и добиться настоящего массового напора на
Юденича?

нести тысячи абсолютно ни в чем не виновных соотечественников, заложников, стрелять им в спины, убить сотни и на плечах оставшихся в живых ворваться в боевые порядки ошеломленного противника.

Каких только провокаций по отношению к соотечественникам не напридумывал Ильич. Например, в выступлении 14(27) января 1918 г. наказывал: “Зажиточную часть населения надо на 3 дня посадить без хлеба, так как они имеют запасы и других продуктов и могут по высоким ценам достать у спекулянтов”. И здесь же: “Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет” (35;311).

После событий в Буденновске и Кизляре вопрос о заложниках приобрел особую актуальность — и здесь следует признать, что первый глава советского правительства был буквально апостолом распространения заложничества. Сразу после окончания гражданской войны, 30 ноября 1920 г. “Правда” опубликовала “Правительственное сообщение”, в котором указывалось, что в случае покушения на вождей Советов решено “беспощадно истреблять заложников”. На следующий день “отец русского анархизма” Петр Кропоткин направил лично Ленину письмо, в котором говорилось: “Неужели среди вас не нашлось никого, чтобы напомнить своим товарищам и убедить их, что такие меры представляют возврат к худшим временам средневековья и религиозных войн и что они недостойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах; что на такие меры не может идти тот, кому дорого будущее коммунизма?”

Неужели никто не объяснил, что такое заложник?

Заложник посажен в тюрьму — не как наказанный за какое-нибудь преступление. Его держат, чтобы угрожать его смертью своим противникам: “Убьете одного из наших, а мы убьем столько-то ваших!” Но разве это не все равно, что выводить человека каждое утро на казнь и отводить назад в тюрьму, говоря: “Погодите! Не сегодня!”

И неужели ваши товарищи не понимают, что это равносильно восстановлению пытки — для заложников и их родных?”

На письме сохранились пометки Ленина: “в архив”; “письмо Кропоткина. XII. 1920” и подчеркивания (ЦПА

ИМЛ, ф.2, оп.2, д.478). Никакого влияния на вождя это письмо не оказало.

Неверно утверждение, будто систему заложников большевики начали широко применять в рамках “красного террора” в ответ на “белый террор” лишь после покушения на Ленина 30 августа 1918 г. Еще 10 августа этого года вождь при обмене записками указывал наркому продовольствия А. Цюрупе: “Проект декрета — в каждой хлебной волости 25-30 заложников из богачей, отвечающих жизнью за сбор и ссыпку всех излишков”.

Вторая записка Цюрупе “1) Насчет “заложников” Вы не ответили”.

Наконец Цюрупа (не самый свирепый большевик) ответил: “Заложников можно взять тогда, когда есть реальная сила. А есть ли она? Сомнительно”.

И третья записка вождя: “Я предлагаю “заложников” не **взять**, а **назначить** поименно по волостям. Цель назначения: именно богачи, как они отвечают за контрибуцию, **отвечают жизнью** за немедленный сбор и ссыпку излишков хлеба.

Инструкция такая (назначить “заложников”) дается а) комитетам бедноты, б) всем продотрядам. Сила? Как раз теперь в **прифронтовой** полосе **сила будет**” (50; 144-145).

20 августа 1918 г. вождь в телеграмме Ливенскому исполкому, приветствуя “энергичное подавление кулаков и белогвардейцев в уезде”, приказывал: “Необходимо ковать железо пока горячо и, не упуская ни минуты, организовать бедноту в уезде, конфисковать весь хлеб и все имущество у восстановивших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков, мобилизовать и вооружить бедноту при надежных вождях из нашего отряда, арестовать заложников из богачей и держать их, пока не будут собраны и ссыпаны в их волости все излишки хлеба. Телеграфируйте исполнение. Часть образцового Железного полка пошлите тотчас в Пензу” (50; 160). Об “образцовом” наказании крестьян Пензенской губернии будет рассказано в специальном разделе книги.

А 29 августа 1918 г. Ленин приказывал саратовским коммунистам: “Составьте поволостные списки богатейших крестьян, отвечающих жизнью за правильный ход работы по снабжению хлебом голодных столиц” (50; 175).

Террор против наших соотечественников непролетарского происхождения принял особый размах после убийства Урицкого и покушения в этот же день на Ленина.

Мною был впервые опубликован документ из Центрального архива КГБ СССР (“Назначить заложниками”, “Куранты”, 10 июня 1993 г.) — протокол совещания, состоявшегося 31 августа 1918 г. На совещании “о деле и о мерах борьбы с буржуазией в связи с покушением на тов. Ленина” доложил секретарь президиума ВЦИК В. Аванесов.

“Протокол

междурайонного совещания по вопросу о проведении террора в связи с покушением на тов. Ленина

О воззвании к рабочим. Избрать для составления воззвания тт. Аванесова и Петерса.

Об арестах и обысках. Избрать Комиссию из трех лиц, которая, взяв за основу постановление отдела районов Московского Совета и постановление собрания о беспощадном терроре, выработает план борьбы.

В Комиссию избраны: Пятницкий, Фомин (спекуляция), Скрыпник, Кингисепп, Фомин (Лефортовского района).

О расстрелах. Подтвердить прежнее постановление об оружии (расстрел контрреволюционеров за нахождение у них оружия). Расстреливать всех контрреволюционеров. Предоставить районам право самостоятельно расстреливать. Дать соответствующие инструкции районам.

О заложниках. Взять заложников (крупных фабрикантов) от буржуазии и союзников, объявить, что никакие ходатайства за арестованных буржуа не принимаются.

Район определяет, кого брать в заложники. Освобождают арестованных только в крайнем случае на день, а ночью держать их под арестом. Устроить в районах маленькие концентрационные лагеря.

Указания провинции. В ближайшие дни созвать совещание от представителей ВЧК, Народного Комиссариата Юстиции и ЦИК. Обратиться к ЦК РКП, чтобы он посылал людей (по возможности) в Губчрезкомы.

Об арестованных. Сегодня же ночью Президиуму ВЧК рассмотреть дела К.-Р. (т.е. контрреволюционеров. — А.Л.) и всех явных К.-Р. расстрелять. То же сделать районным ЧК.

Принять меры, чтобы трупы не попадали в нежелательные руки. Ответственным товарищам ВЧК и районных ЧК присутствовать при крупных расстрелах.

Поручить всем районным ЧК к следующему заседанию доставить проект решения вопроса о трупах. Предложить Комиссариату Юстиции в специальном порядке разгрузить тюрьмы от мелких преступников.

Об инструкциях районам. Поручить избранной комиссии выработать инструкции.

О других партиях. Поскольку левые эсеры стоят на точке зрения ЦК (своего) и выступают активно, арестовывать их. Что касается правых эсеров, центровиков, меньшевиков, кадетов и др. черносотенцев, то вопрос о них ясен". (Центральный архив КГБ, ф.1, оп.2, № 57).

О том, насколько "ясен" был этот вопрос — свидетельствует опубликованная в "Петроградской правде" на следующий день после рассмотренного совещания телеграмма членов РВС 3-й армии Восточного фронта И.Смилги, М. Лашевича, главного политкомиссара 3-й армии Ф. Голощекина и комиссара Особого отряда 3-й армии Бела Куна председателю Петросовета Г. Зиновьеву: "Убийство Урицкого не может остаться безнаказанным. Кровь его вопиет о мести. Трудно воевать со знанием, что в тылу гибнут лучшие товарищи от руки буржуазных наемников. Мы взываем к рабочим Петрограда: товарищи, бейте правых эсеров беспощадно, без жалости. Не нужно ни судов, ни трибуналов! Пусть бушует месть рабочих, пусть льется кровь правых эсеров и белогвардейцев, уничтожайте врагов физически".

За исключением М. Лашевича, покончившего с собой в 1928 году, остальные трое "подписантов" этой страшной телеграммы падут жертвами сталинских репрессий.

Оправившись от ранения, Ленин спустя несколько месяцев рассылает по всей стране одно указание за другим, настаивая на расширении круга людей, подлежащих аресту в качестве заложников, причем широко распространять взятие заложников вождь считал необходимым и для зарубежных коммунистов. Так, 27 апреля 1919 г. он запрашивал в приветствии Баварской Советской республике: "... взяли ли заложников из буржуазии?" (38; 321).

31 мая 1919 г. Совет обороны советской республики принимает написанное Лениным постановление о мобилизации советских служащих, третий параграф которого гласил: “Мобилизованные отвечают по круговой поруке друг за друга, и их семьи считаются заложниками в случае перехода на сторону неприятеля или дезертирства, или невыполнения данных заданий и т.п.” (54; 416).

8 июня Ленин наказывает заместителю председателя Реввоенсовета республики Э. Склянскому: “Надо усилить взятие заложников с буржуазии и с семей офицеров — ввиду учащения измен. Сговоритесь с Дзержинским” (50; 343). Можно только сочувствовать несчастной доле женщин и детей, которые автоматически становились заложниками из-за “невыполнения данных заданий и т.п.” мобилизованным отцом семейства.

Поэтесса Зинаида Гиппиус свидетельствовала: “...когда офицеров мобилизуют (такие мобилизации объявлялись чуть не каждый месяц) — их сразу арестовывают; и не только самого офицера, но его жену, его детей, его мать, отца, сестер, братьев, даже двоюродных дядей и теток! Выдерживают офицера в тюрьме некоторое время непременно вместе с родственниками, чтобы понятно было, в чем дело, и если увидят, что офицер из “пассивных” героев — выпускают всех; офицера в армию, родных под неусыпный надзор. Горе, если прилетит от армейского комиссара донос на этого “военспеца”... Едут дяди и тетки — не говоря о жене с детьми — куда-то на принудительные работы, а то и запираются в прежний каземат”.

8 июля 1919 г. вождь телеграфировал большевикам в Саратов: “Необходимо особыми отрядами объехать и обработать каждую волость прифронтной полосы, организуя бедноту, устраняя кулаков, беря из них заложников...” (51; 7).

А вот указание Ленина 25 октября 1919 г. Г. Зиновьеву: “Говорят, сланцы под Веймарном неглубоки. Снять 2-3 сажени земли и можно экскаватор пустить, который будет массу сланцев ломать и давать. Надо напрячь силы; мобилизовать туда буржуазию (в землянках проживут)...” (51; 73).

Редчайший случай, чтобы Ленин когда-либо заинтересовался — лежит ли какая-нибудь конкретная вина на человеке, арестованном в качестве заложника, и в этом он был

непререкаем: “Я рассуждаю трезво и категорически: что лучше — посадить в тюрьму несколько десятков или сотен подстрекателей, виновных или невиновных, сознательных или несознательных, или потерять тысячи красноармейцев и рабочих? — Первое лучше. И пусть меня обвинят в каких угодно смертных грехах и нарушениях свободы — я признаю себя виновным, а интересы рабочих выиграют” (38; 295).

Очень редко Ленин давал указания об освобождении заложника — например, после запроса Зиновьева 6 февраля 1919 г.: “Правда ли, что заложником Вы арестовали могилевского архиепископа Роппа? Прошу сообщить, на каких условиях можно бы его освободить, о чем ходатайствует папа” (50;252). Но некому было ходатайствовать за православных священников, которых большевики расстреливали тысячами.

Ленин отвергал любую критику большевистской политики взятия и расстрела заложников. 9 июля 1919 г. он отмечал, что “наиболее близкие к Советской власти мелкобуржуазные демократы, называющие себя, как водится, социалистами, например, некоторые из “левых” меньшевиков и т.п., особенно любят возмущаться “варварским”, по их мнению, приемом брать заложников. Пусть себе возмущаются, но войны без этого вести нельзя, и при обострении опасности употребление этого средства необходимо, во всех смыслах, расширять и учащать”.

И далее — конкретные указания: как “расширять и учащать” аресты заложников: “Нередко, например, меньшевистские или желтые печатники, железнодорожники из “управленцев” и тайных спекулянтов, кулаки, имущая часть городского (и сельского) населения и тому подобные элементы относятся к делу защиты от Колчака и от Деникина с бесконечно преступным и бесконечно наглым равнодушием, переходящим в саботаж. Надо составлять списки подобных групп (или принуждать их самих составлять группы с круговой порукой) и не только ставить их на окопные работы, как это иногда практикуется, но и возлагать на них самую разнообразную и всестороннюю материальную помощь Красной Армии.

Поля красноармейцев будут лучше обработаны, снабжение красноармейцев пищей, махоркой и другими необходимыми предметами будет лучше поставлено, опасность гибе-

ли тысяч и тысяч рабочих и крестьян из-за отдельного заговора и т.п. будет значительно уменьшена, если мы более широко, более разносторонне и более умело будем применять этот прием” (39; 62). Здесь у Ильича нововведение — распространить рабский труд на “равнодушных”.

А год спустя, в конце июля 1920 года, вождь в письме членам Совета труда и обороны предложил брать заложников для “работы в копях”: “Ответственность за найденное оружие на начальнике воинской части; за незаявленное оружие на том, у кого найдено (расстрел), и на всей группе “ответственных” крестьян (штраф, но не деньгами, а хлебом и вещами; конфискация имущества, арест; работы в копях)...” (51; 245).

Ильич проявлял свою свирепость на “рубке леса” — и в прямом, и в фигуральном смысле слова. “Пусть моськи буржуазного общества, от Белоруссова до Мартова, визжат и лают по поводу каждой лишней щепки при рубке большого, старого леса, — писал он. — На то они и моськи, чтобы лаять на пролетарского слона. Пусть лают. Мы пойдем себе своей дорогой...” (36; 193). “Нельзя ли сибирских пленных и офицеров вывезти на Урал и поставить на работу по углю и лесу?” (51; 154-155) — запрашивал вождь Троцкого 7 марта 1920 г. А чуть более месяца спустя писал в отдел топлива Московского совдепа: “Можно и должно мобилизовать московское население поголовно и на руках вытащить из лесов достаточное количество дров (по кубу, скажем, на взрослого мужчину за три месяца — точнее спецы рассчитают; я говорю для примера) к станциям железных дорог и узкоколейск.

Если не будут приняты героические меры, я лично буду проводить в Совете Обороны и в Цека не только аресты всех ответственных лиц, но и расстрелы” (51; 216).

Если бы вождю пришла простая мысль — вместо мобилизации “поголовно” всего московского населения материально заинтересовать в поставках дров небольшую часть безработных! Но Ленин был заклятым противником не только частной собственности, но и любых проявлений частной инициативы.

Когда в Бузулукском районе красный командир Сапожков выступил против политики военного коммуниз-

ма, то Ленин 2 августа 1920 г. дал указание: “От селений, лежащих на пути следования отрядов Сапожкова, брать заложников, дабы предупредить возможность содействия” (51; 348). А ведь арестовываемые крестьяне и в мыслях не имели содействовать Сапожкову, ничего о нем вообще не знали!

Впрочем, в качестве заложников Ильич считал необходимым арестовывать не только крестьян или членов семейств проштрафившихся советских служащих.

Так, 15 февраля 1919 г. под председательством Ленина Совет Обороны принял постановление: “Поручить Склянскому, Маркову, Петровскому и Дзержинскому немедленно арестовать нескольких членов исполкомов и комбедов в тех местностях, где расчистка снега производится не вполне удовлетворительно. В тех же местностях взять заложников из крестьян с тем, что, если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны. Доклад об исполнении, со сведениями о количестве арестованных, назначить через неделю”. Не было бы более справедливым, если бы наказанию подлежали нерадивые чиновники, а не безвинные крестьяне — заложники? 24 февраля Совет Обороны под председательством Ленина потребовал скорейших отчетов “о примененных репрессиях за нерасчистку снега”.

17 марта Ленин подписал постановление Совета Обороны, в котором угроза стать заложником нависла уже над высокопоставленными чекистами: “Впредь председатели чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией будут сами подвергаться немедленному аресту в том случае, если и в будущем они не будут подвергать аресту лиц, ответственных за выполнение постановления Совета Обороны по борьбе с снежными заносами”. (“В.И. Ленин и ВЧК”, М., 1987, с.123, 131, 139). А 8 апреля 1919 г. вождь наложил резолюцию: “Дзержинскому: Не арестовать ли по 1-2 члена каждого исполкома?” на докладной записке главного комиссара Сызрано-Вяземской железной дороги А.Кудрявцева, который жаловался на недостаток рабочей силы на снегоуборке. (Лен. сб. XXXVII, с.143-144).

Так вождь придумал целую “пирамиду” из заложников — вышестоящие арестовываются, если своевременно не расстреляют нижестоящих.

Ленинскую схему распространения заложничества уточнил и обогащал конкретными разработками Ф.Дзержинский. В его подписью 17 декабря 1919 г. “всем ЧЕКА” направляется “Приказ президиума ВЧК № 208 об учете специалистов и лиц, могущих явиться заложниками”. Вот начало этого объемистого документа:

“Дорогие товарищи! Есть три вопроса, в которых почти все чекисты грешны и в которые поэтому необходимо внести ясность. Это заложники, специалисты и арестованные вообще.

Что такое заложник... Это пленный член того общества или той организации, которая с нами борется. Причем такой член, который имеет какую-нибудь ценность, которым тот противник дорожит, который может служить залогом того, что противник ради него не погубит, не расстреляет нашего пленного товарища. Из этого вы поймете, что заложниками следует брать только тех людей, которые имеют вес в глазах контрреволюционеров. За какого-нибудь сельского учителя, лесника, мельника или мелкого лавочника, или еще еврея, противник не заступится и ничего не даст.

Они кем дорожат... Высокопоставленными сановными лицами, фабрикантами, выдающимися работниками, учеными, знатными родственниками находящихся при власти у них лиц и т.п. Из этой среды и следует забирать заложников”.

Нельзя не отметить, что исполнителями наказов главы советского правительства и главного чекиста страны, в том числе связанных с “назначением” заложников и последующими их расстрелами, зачастую являлись бывшие уголовники. Об этом свидетельствует немало опубликованных за последнее время документов. Обратимся лишь к одной небольшой статье в академическом журнале “Вопросы истории” (1995 г., № 3, с. 174), в которой приводятся цитаты из ряда монографий: “Под видом добровольцев в Красную Армию вступало значительное число деклассированного элемента, чуждого каких-либо высоких идейных побуждений и политической сознательности, и смотревшего на войну, как источник личной выгоды”. Или другое свидетельство: “Молодые и наиболее предприимчивые рецидивисты после освобождения вступили в РКП(б). В ряде случаев им удавалось занять ответственные административные должности; из

этой среды большевики получили наилучший материал для борьбы и истребления врагов партии. Например, военным комиссаром г. Таганрога был Родионов, осуждавшийся ранее за грабеж, морским комиссаром — Канунников, осуждавшийся за убийство, и т.п.”

Старый большевик М. Ольминский засвидетельствовал: “Можно быть разного мнения о красном терроре, но то, что сейчас творится, это вовсе не красный террор, а сплошная уголовщина”.

И когда сопоставляешь разработанную Лениным систему заложничества и практику ее претворения в жизнь в наши дни, например, в Буденновске или Кизляре — то нельзя забывать, что непосредственно на захват и расстрел людей, не имеющих никакой конкретной вины, способны в большинстве лишь лица с криминальным сознанием, какими бы возвышенными целями заложничество ни прикрывалось. Этот фактор следует учитывать и при анализе подписанных главой советского правительства постановлений, подобных впервые опубликованному Д. Волкогоновым: “Всех, проживающих на территории РСФСР иностранных подданных из рядов буржуазии тех государств, которые ведут против нас враждебные и военные действия, в возрасте от 17 до 55 лет заключить в концентрационные лагеря...” Хотя в отношении “лиц, доказавших свою преданность советской власти”, допускалось исключение. 3 июня 1919 г. Ленин телеграфировал Сталину в Петроград: “**Насчет иностранцев** советую не спешить высылкой. Не лучше ли в концлагерь, чтобы потом **обменять**” (50;335). Могут возразить — ведь и в демократических США после нападения Японии на Перл-Харбор интернировали всех японцев. Но не было там на местах уголовного “беспредела”, царившего после октябрьского переворота в Советской России.